

Скажем ныне нечто о настоящем празднике. Многие празднуют праздники и с названиями их знакомы, но поводов, по которым они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, всем известно; а какое это Богоявление, и одно ли оно или два, этого еще не знают; между тем крайне стыдно и весьма смешно - каждый год празднуя этот праздник, не знать повода, по которому он установлен. Посему прежде всего необходимо сказать вашей любви, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое - будущее, которое произойдет со славою при кончине [мира]. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: *явися благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце* ; а о будущем:

ждуще блаженного упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

(Тит. II, 11-13). И пророк об этом последнем сказал так:

солнце обратится во тму, и луна в кровь, прежде неже приити дню Господню великому и просвещенному

(Иоил. II, 31). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Он родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Посему в этот праздник в полночь все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года остается неповрежденною и свежую, и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда Он крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, кто Он был, об этом послушай Иоанна Крестителя, который говорит:

посреде вас стоит, Его же вы не весте

(Иоан. I, 26). И удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня?

И аз

, говорит он,

не ведех Его, но пославый мя крестити водою, Той мне рече: над него же узриши Духа сходяща и пребывающа на нем, Той есть крестяй Духом Святым

(Иоан. I, 33). Отсюда видно, что два Богоявления; а почему Христос приходит на крещение, об этом необходимо сказать, а также и о том, на какое Он приходит крещение, - и то и другое необходимо знать. И наперед надобно сказать вашей любви о последнем, так как из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое беззаконие, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил из [места] заразы, кто обращался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист, а потом очищался.

Да омыет тело свое водою чистою

, говорится в Писании,

и нечист будет до вечера, и чист будет

(Левит. XV, 5, XXII, 7). Это не были в самом деле грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их чрез это более благочестивыми, с самого начала приготавливал их к точнейшему соблюдению важнейшего.

Итак, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего; оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущим чрез себя от первого к последнему, так как понуждало их [иудеев] не к соблюдению телесных очищений, но вместо таковых увещивало и советовало переходить от порока к добродетели и надежду спасения полагать в совершении [добрых] дел, а не в разных омовениях и очищениях водою. [Иоанн] не говорил: вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист; но что? *Сотворите плод достоин покаяния* (Мф. III, 8). Потому именно оно было выше иудейского, но ниже нашего, что крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпускать [грехи]. Поэтому [Иоанн] и говорил:

аз убо крещая вы водою, Той же вы крестит Духом Святым и огнем

(Мф. III, 11). Очевидно, что Он не крестил Духом. Что же значит:

Духом Святым и огнем?

Вспомни тот день, в который апостолам

явишася разделени языцы яко огненни, и седе на едином коемждо их

(Деян. II, 3). А что крещение Иоанново было несовершенно, не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел,

обрет некия ученики, рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше? Они же реша к нему: но ниже, аще Дух Святыи есть, слышахом. Рече же к ним: во что убо крестистесь? Они же рекоша: во Иоанново крещение. Рече же Павел: Иоанн убо крести крещением покаяния

, - покаяния, не отпущения грехов; для чего же Он крестил?

Людем глаголя: да во грядущаго по нем веруют, сиречь в Христа Иисуса. Слышавше же крестившася во имя Господа Иисуса. И возложшу Павлу на ня руце, прииде Дух Святыи на ня

(Деян. XIX, 1-6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского крещения, и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Но из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением. Ни прежним - иудейским, ни последующим - нашим, потому что Он не имел нужды в отпущении грехов; да и как может нуждаться в этом Тот, Кто не имеет никакого греха?

Греха

, говорится в Писании,

Он не сотвори, ни обретется леств во устех Его

(1 Петр. II, 22); и еще:

кто от вас обличает Мя о гресе

(Иоан. VIII, 46)? И Духу не была непричастна плоть Его; да и как могло быть иначе, когда она вначале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким Он крестился крещением, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не потому, что имел нужду в даре Духа; как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов, и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствовавших тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил:

сотворите плод достоин покаяния

, послушай, что он говорит Ему:

Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне

(Мф. III, 8, 14)? Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он тем более далек был от нужды - креститься по той же причине, что был гораздо выше и несравненно чище и самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Итак, какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил:

Иоанн убо крести крещением покаяния, да во грядущаго по нем веруют

(Деян. XIX, 4); это было завершением крещения. Если бы обходить жилище каждого и, подойдя к дверям, вызывать на улицу и, держа Христа, говорить: это есть Сын Божий, то это делало бы свидетельство подозрительным и было бы весьма затруднительно; также, если бы, взяв Христа, войти в синагогу и показать Его, то и это самое опять сделало бы свидетельство подозрительным; но когда весь народ стекся из всех городов к Иордану и пребывал на берегах реки, то уже то обстоятельство, что и Сам Он пришел креститься и получил удостоверение свыше голосом Отца и наитием Духа в виде голубя, делало свидетельство о Нем Иоанна несомненным. Поэтому он и говорит:

и аз не ведех Его

, представляя свидетельство свое достоверным (Иоан. I, 31), так как они были по плоти родственниками между собою

[се Елизаветь, южика твоя, и та зачат сына

, говорил ангел Марии о матери Иоанна (Лук. I, 36); если же матери были в родстве, то, очевидно, и дети]. Итак, поелику они были родственниками, то, дабы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провел весь ранний свой возраст в пустыне, дабы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какому-нибудь подобному предвзятому основанию; но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нем. Вот он и говорит: и аз не ведех Его. Откуда же ты узнал?

Пославый мя

, говорит,

□ *крестити водою, Той мне рече*

. Что Он сказал тебе?

Над него же узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на нем, Той есть крестяй Духом Святым

(Иоан. I, 33). Видишь ли, что Дух Святой снишел не так, как в первый раз снишел на Него, но дабы показать проповеданного, наитием Своим, как бы перстом, указуя Его всем? По этой причине Он пришел на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал:

аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко Мне

, - то Он отвечал так:

остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду

(Матф. III, 14, 15). Видишь ли благоразумие раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит:

исполнити всяку правду

?

Правдою

называется исполнение всех заповедей, как говорится:

беста праведна оба, ходяще в заповедех Господних безпорочна□

(Лук. I, 6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл и не исполнил ее, то Христос, приходя, исполняет эту правду.

А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдою. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное - повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: *пославый мя крестити водою*□ (Иоан. I, 33); также и Христос: *мытарию и людие оправдиша Бога, крещесе крещением Иоанновым, фарисее же и законницы совет Божий отвергоша о себе, не крещесе от него*

(Лук. VII, 29, 30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всем другим, что требуется законом, исполнил и это. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев; этот долг должен был уплатить род наш; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть. Христос, пришедши и найдя нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил [от ней] тех, которые не могли уплатить. Посему Он не сказал: нам должно сделать то и то, но:

исполнити всяку правду.

Мне, Владыке имеющему, говорит Он, надлежит уплатить за неимеющих. Такова причина Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина, и та, о которой сказано прежде. Поэтому и Дух снишел в виде голубя: где примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принес масличную ветвь - знак человеколюбия Божия и прекращения бедствия; и теперь в виде голубя, а не в телесном виде (это особенно должно заметить), нисходит Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит:

□ *аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидите в царство небесное*

(Мф. XVIII, 3). Но тот ковчег, по прекращении бедствия, остался на земле; а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это непорочное и нетленное тело находится одесную Отца.

Но так как я упомянул о теле Господнем, то необходимо сказать вам немного и об этом, и потом окончить речь. Я знаю, что многие у нас приступят к этой священной трапезе по случаю праздника. Итак должно, как я часто и прежде говорил, не праздники наблюдать, чтобы приобщаться, а очищать совесть, и тогда касаться священной жертвы. Преступный и нечистый не имеет права и в праздник причащаться этой святой и страшной плоти; а чистый и омывший свои погрешения искренним покаянием в праве и в праздник и во всякое время причащаться божественных тайн и достоин наслаждаться божественными дарами. Но поелику, не знаю почему, некоторые не обращают на это внимание, и многие, исполненные бесчисленных грехов, видя наступивший праздник, как будто побуждаясь самим этим днем, приступают к святым тайнам, на которые и смотреть не должно находящимся в таком состоянии, то тех, которые известны нам, мы сами непременно удалим, а неизвестных нам, предоставим Богу, знающему тайны помышлений каждого; теперь же постараемся исправить то, в чем все явно согрешают. В чем же состоит этот грех? В том, что приступают не с трепетом, но с давкою, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, толкая ближних, полные смятения. Об этом я часто говорил и не перестану говорить. Не видите ли, какое бывает благочиние на олимпийских играх, когда распорядитель проходит по площади, с венцом на голове, одетый в длинную одежду, держа в руке жезл, а глашатай объявляет, чтобы было тихо и благоприлично? Не нелепо ли, что там, где торжествует дьявол, бывает такое спокойствие, а там, где призывает к Себе Христос, бывает великий шум? На площади безмолвие, а в церкви крик? На море тишина, а в пристани волнение? К чему ты, скажи мне, беспокоишься, человек? Что гонит тебя? Необходимые дела, конечно, призывают тебя? В этот час ты особенно сознаешь, что у тебя есть дела, особенно помнишь, что ты находишься на земле, и думаешь, что обращаешься с людьми? Но не каменной ли душе свойственно думать, что в такое время ты стоишь на земле, а не ликуешь с ангелами, с которыми ты воссылаешь таинственное песнопение, с которыми ты возносишь победную песнь Богу? Для того Христос и назвал нас орлами, сказав: *идеже труп, тамо соберутся орли* (Мф. XXIV, 28), чтобы

мы восходили на небо, чтобы парили в высоте, возносясь на крыльях духа; а мы, подобно змиям, пресмыкаемся во прахе и едим землю. Хотите ли, я скажу, отчего бывает этот шум и крик? Оттого, что мы не на все время запираем для вас двери, но позволяем прежде последнего благодарения стремительно выходить и уходить домой. Это и само по себе выражает великое пренебрежение. Что делаешь ты, человек? Когда присутствует Христос, предстоят ангелы, предлежит эта страшная трапеза, и братья твои еще участвуют в таинствах, сам ты, оставив все, убегаешь? Быв приглашен на обед, ты, хотя бы и прежде других насытился, не осмеливаешься выходить прежде друзей, когда другие возлежат еще; а здесь, когда еще совершаются страшные таинства Христовы, когда еще продолжается священнодействие, ты в самой середине составляешь все и выходишь? И где это может быть достойно прощения? Какое может быть оправдание? Хотите ли, я скажу, чье дело делают те, которые уходят прежде окончания и не совершив благодарственных песнопений по окончании трапезы? Может быть, покажется жестоким то, что будет сказано, однако необходимо сказать по причине нерадения многих. Иуда, приобщившись последней вечери в ту последнюю ночь,

поспешно вышел, тогда как все прочие еще возлежали. Вот кому подражают и те, которые спешат прежде последнего благодарения! Если бы он не вышел, то не сделался бы предателем; если бы не оставил соучеников, то не погиб бы; если бы не отторгнул себя от стада, то волк не захватил бы его одного и не пожрал бы; если бы не отделил себя от пастыря, то не сделался бы добычею зверя. Посему он был с иудеями, а те с Господом вышли, воспевая. Видишь ли, по какому образцу совершается последняя молитва после жертвоприношения? Будем же, возлюбленные, представлять себе это, будем помышлять об этом, страшась предстоящего за то осуждения. Он [Христос] дает тебе Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодаришь за полученное? Когда ты вкушаешь телесную пищу, то после трапезы обращаешься к молитве; а когда приобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь, видимую и невидимую, ты, человек и уничиженный по естеству, не остаешься благодарить Его словами и делами? Не достойно ли это крайнего наказания? Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, или шумели и кричали, но чтобы вы, благовременно вспоминая эти слова, показывали надлежащее благочиние. Таинства и называются и суть таинства; а где таинства, там великое молчание. Итак, будем приступать к этой священной жертве с глубоким молчанием, с великим благочинием, с надлежащим благоговением, чтобы нам заслужить большее благоволение у Бога, очистить свою душу и достигнуть вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, и держава, и поклонение ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

□ Источник: [Библиотека святоотеческой литературы](#)